

Сейчас, когда вышел в издательстве «Московский рабочий» сборник стихов поэтов-правдивов «Из искры — пламя», мы смогли вновь почувствовать боевую ритмику рабочей поэзии, ощутить гражданское мужество поэтов тех славных лет. У этой небольшой поэтической книжки пять авторов. Они различны по манере, у них разное видение мира, разные пристрастия.

Стихам Павла Арского свойственна песенная напевность. В свое время они и были песнями. Таковы «Красное знамя», «Рабочая песня», «Узник», «Товарищу», с их чеканным слогом, маршевой строкой.

Гражданский пафос наполняет стихи Михаила Артамонова. Он хорошо чувствует деталь и умело ей пользуется. Двумя-тремя мазками он рисует безотрадную картину фабричной жизни, передает гневный рабочий протест:

В тихую ночь вырывается резкий и гулкий
Дальний свисток. Оживают вдали корпуса.
Где-то калитки стучат, и в пустом переулке,
Будто чужие, во мраке звучат голоса.
Фабрика гулко ворота свои растворила,
Сторож, зевая, стоит с фонарем у ворот...

Стихи Ивана Ерошина удивительно лиричны. Он прекрасно чувствует природу, умеет передавать ее живые краски. Непонятно, почему составители сборника почти не включили в книгу ранней, дореволюционной лирики поэта. Разве можно, например, без «Зимней ночи» ощутить в полную меру очарование поэзии Ивана Ерошина?

Березовая роща
Под инеем тиша.
Березовая роща
Укуталась в меха.
Мороз грызет орешки —
По роще звонкой щелк,
Из белой, тихой рощи
Выходит серый волк...

Леонтий Котомка — поэт пролетарской печали. Его стихи — это протест против жестокой эксплуатации, в них боль за муки и страдания народа. Жаль, что в сборнике так мало его стихов.

Своеобразие стихов Александра Поморского в яркой символике их образов. Так, символично звучит «Рабочий дворец» — стихотворение о будущем свободном обществе, которое построит народ на развалинах старого мира; много символики и в «Гвоздике», «Фонарщике» и ряде других стихов.

Ты принесла в тюрьму гвоздики...
И через каменную тень
Я выходил, большой и дикий,
Тебя встречать в горячий день.
Горело солнце в теплом небе
Над желтизной глухой стены
И освещало ранний пепел
Моей тюремной седины.
Я взял цветы (дрожали руки),
Цветы свободы
И труда.

Забьют ли мне часы разлуки,
Забьют ли встречи навсегда?
Стоял я долго без движения,
Смотрел на алые цветы.
Я видел в них освобожденье
От мрака серого...
А ты?

Сборник произведений поэтов «Правды» и «Звезды» значительно расширяет наше представление о ранней русской революционной поэзии, о ее первых мужественных певцах, которые в самую мрачную пору царизма говорили правду, призывали русский пролетариат к борьбе с самодержавием. Их образное поэтическое слово уже тогда, на заре революции, возвышало человека-труженика, воспитывало в нем лучшие чувства, благородные стремления. Революционная поэзия рабочих-поэтов помогает и сегодня молодому поколению обрести свое место в великом строю борцов за коммунизм.

А. Берсер

ПРЕОДОЛЕВАЯ УХАБЫ

Дорога! ох, дорога! — это горькое восклицание трижды, как стон, повторяется на первых страницах рассказа «Ухабы».

Описание дороги, по которой в безнадежно слякотные дни ведет свою машину шофер Вася Дергачев, вводит читателя в напряженную атмосферу рассказа. Начинаешь физически ощущать все повороты, все рытвины и ухабы дороги. «Она враг — враг хитрый, неожиданный, беспощадный», она медлительно, лениво и равнодушно надвигается на нас, и начинает казаться, что мы вместе с Васей Дергачевым невероятным усилием воли и мастерства вырываем у нее метр за метром.

Эта борьба с дорогой отражается в натянутом, как струна, повествовании: в нарастающем темпе, ритма: «Секунда, частица секунды — педаль сцепления, рычаг скоростей на себя и газ, газ, газ!» Отрывистые лаконичные фразы передают движение, они несут в себе все колдобины «вздыбленной рваными волнами густо замешанной грязи» коварной дороги. И вместе с тем они передают и захватывающее душу волнение за исход пути. Мы и не заметили, как уже срод-

Владимир Тендряков, Ухабы, рассказ, «Наш современник», книга вторая, 1956.

нились с этим шофером. Он сказал-то всего несколько ничего не значащих фраз, но мы видим, с каким мастерством, талантом и мукой ведет он машину, и он стал сразу как бы давно знакомым и очень понятным. И потому, как и те пассажиры, что столпились в кузове, мы «душевным усилием» стремимся ему помочь.

Но последний рубеж не удалось осилить, машина перевернулась. Один из пассажиров, веселый, шумливый парень «в сапогах с отверстиями», тяжело ранен.

И опять дорога... Горькая, трудная дорога, по которой на самодельных носилках несут раненого.

Все действие теперь сосредоточено вокруг этого распростертого на носилках человека. В борьбе за его жизнь определяются характеры людей, их мироощущение, их взаимоотношения друг с другом. Их образы вначале были запечатлены так, как запечатлеваются в нашем восприятии обычно дорожные спутники — бегло и вместе с тем резко, — как первое впечатление от человека, хотя и обостренное, но все же одностороннее. Теперь все они раскрываются глубоко и полно, как старые знакомые — старые друзья и старые враги.

Роковую роль сыграл в этом рассказе директор Утряховской МТС Княжев. Смутная двойственность чувствуется уже в его внешности: «Из-под распахнутого плаща выпирает широкая пухлая грудь, лицо Княжева, полное, мягкое, бабье, губы в оборочку, говорит сипловатой фистулой... К его голосу не подходит по-мужски осанистая фигура и твердый крючковатый нос на рыхловатом лице».

Эта портретная характеристика, в которой есть пока лишь неясный, только эмоциональный оттенок чего-то неприятного, забывается, когда Княжев трезво, спокойно и деловито помогает организовать помощь раненому; по сколькой грязи тащит он вместе с другими носилки к ближайшему селу. Но когда тот же Княжев водворяется в своем кабинете директора МТС, он на наших глазах из человека превращается в бюрократа. Это страшное превращение показано В. Тендряковым с огромным накалом гражданских чувств.

Княжев отказывает своим спутникам дать трактор, чтобы доставить раненого в больницу для срочной операции. А это — единственное, что может спасти человека. Так Княжев становится убийцей того, кого он только что самоотверженно нес по тяжелой густоборской дороге. Писатель сталкивает резко контрастные черты, и в этом столкновении раскрывается «философия» Княжева: «Я все сделал, что от меня лично зависело... — говорит он. — Попросите для больного кровь — отдам, попросите для него рубаху — сниму. Но тут не мое, тут не я распоряжаюсь... я помог на место доставить, свой гражданский долг выполнил».

Бюрократическая сущность мышления Княжева заключается в том, что он считает, будто его личное дело, его гражданский долг не имеют ничего общего с его служебным делом, его общественным долгом. В своем директорском кабинете он должен отрешиться от всех своих человеческих чувств и целиком и полностью подчиняться только инстанциям и инструкциям, в выполнении которых его чувства, его ум, его совесть не должны принимать никакого участия. Бесчеловечная основа бюрократизма раскрывается тем страшнее, что выразителем его является человек по существу своему не злой и не подлый.

«Бюрократ!.. До убийцы выросший бюрократ!» — в этих словах хирурга даже с излишней прямолинейной назидательностью выражена главная мысль писателя.

У нас часто говорят о бюрократе, как о враге всего нового, живого. Именно это представление лежит в основе рассказа В. Тендрякова, именно оно, взятое во всю глубину художественного проникновения и писательского обобщения, обнажает в бюрократе врага жизни, врага человека.

Во имя человека написан этот рассказ. И если в борьбе за жизнь человека обнаруживается мертвенная сущность Княжева, то одновременно в этой борьбе раскрывается душевная красота всех остальных людей, ставших невольными участниками трагического происшествия. Борьба объединяет случайных спутников в маленький коллектив советских людей, сосредоточивших все свои силы на спасении умирающего. Переход этот показан писателем со свободной естественностью, как нечто само собой разумеющееся, нечто такое, чего даже и не замечают сами герои рассказа.

В трагической обстановке Дергачев думает о жизни, и не только о жизни незнакомого ему погибавшего парня, но и о своей жизни, о ее смысле, цели: «Много пассажиров перевез Василий на своей машине от Густого Бора до станции и обратно. Для чего он их возил? Чтобы вышибить деньги... Сейчас хотелось сделать что-то большое, чем-то хорошим удивить людей. Что сделать? Как удивить? Он не знал. Было лишь желание, непонятное, незнакомое, тревожащее...»

На небольшом пространстве рассказа В. Тендряков таким образом не только запечатлел характеры, но и показал их в движении. Путь молоденького лейтенанта Мити от чистолюйского отношения к жизни до серьезного ее постижения изображен с подлинным драматизмом. Вначале он весь «новенький» — от сверкающего никелированными замками чемодана до сверкающих погон и «начищенных пуговиц» — появляется со своей женой около грузовика и, боясь запачкать свои блестящие сапоги, командует пассажирами. И перед лицом огромного несчастья, в напряженной, почти без слов протекающей борьбе, которую ведет за

него его жена, происходит возмужание, выпрямление этого человека. Сила воли, благородство и чистота этой женщины с «добрым, простеньким и усталым лицом», весь ее мужественный и крупный облик передан в нескольких репликах, нескольких штрихах, как и образ сельской фельдшерицы, пожилого заготовителя. А навстречу всем этим людям, «оскальзываясь босыми ногами», пробирается по грязи хирург на помощь незнакомому им всем парню, имени которого мы так и не узнали, как не узнали его и герои рассказа.

Необычайно накалена атмосфера рассказа, в котором все находится в дороге, в движении, в острых столкновениях, где герои отсчитывают минуты и спешат, спешат, борясь за жизнь, — все это придает произведению особую напряженность, сосредоточенность, атмосферу высокой человечности.

Эта атмосфера вообще отличает произведения В. Тендрякова, молодое и свежее дарование которого так интересно и своеобразно раскрывается с каждым новым произведением.

Шаг за шагом расширяется общественный кругозор, определеннее и тверже становится позиция писателя, в творчестве которого с такой отчетливостью сказываются черты нашего времени с его деловым, серьезным отношением к жизни.

Сергей Марков

Действительный член
Географического общества СССР

КНИГА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЕВЕДА

Давно известно, что краеведение представляет собою не частное любительское занятие, а подлинную науку. В двадцатых годах краеведческие сборники издавались в Иванове и Великом Устюге, Вологде и Тотме, а несколько позже в Архангельске вышли три номера единственной в СССР газеты, целиком посвященной изучению края, — «Северный краевед». Годы культа личности нанесли большой ущерб краеведению, и только сейчас оно снова возвращается к жизни.

В Чите вышла книга одного из выдающихся забайкальских краеведов — Е. Д. Петряева — «Исследователи и литераторы старого Забайкалья». «Кропот-

ливая работа», — так иногда говорят наши газеты о таких книгах. Но это не то выражение. Одной «кропотливостью» или усидчивостью ничего не сделаешь. Подлинным краеведом-исследователем руководят законы, общие для всякого творческого труда. Иногда, оттолкнувшись от казалось бы случайного и на первый взгляд незначительного примечания на странице известного всем печатного источника, по-новому восприняв это свидетельство, исследователь делает целую цепь открытий.

Книга Е. Д. Петряева состоит из двенадцати очерков. Первый из них как бы служит введением — это «Изучение Забайкалья в XVII—XIX столетиях». В нем говорится о первых исследователях сурового края — протопопе Аввакуме, Максиме Перфильеве, Павле Шульгине, о деятелях петровского времени. Заботы славного командора Федора Соимонова и внимание, проявленное Ломоносовым к даурским рудам, путешествие Палласа по Агинской степи — всем этим не исчерпываются труды по изучению Забайкалья в XVIII веке, сведения о которых приводит Е. Д. Петряев. Он пишет о заслугах декабристов, вспоминая вещи слова А. Е. Розена о том, что Сибирь «представит со временем драгоценнейшие сокровища для благоустроенной государственности». Мы узнаем имена нерчинских и читинских краеведов XIX века, этих героев народной науки.

Евгений Дмитриевич Петряев по профессии — медик. Поэтому понятна та человеческая «слабость», которая временами выражена у него в повышенном внимании к изучению жизни своих собратьев-врачей, пусть они жили сто лет назад. Эта «слабость» вполне оправдывается замечательными разысканиями, которые провел Петряев для того, чтобы написать очерк «Декабристы и врачебное дело в Забайкалье». В нем много места отведено повествованию о Ф. Б. Вольфе, не только как об искусном враче, но исследователе и собирателе.

Вот история деятельной и романтической жизни штаб-лекаря М. А. Дохтурова, врача Кутомарского «гошпиталя», гейдельбергского студента, пленника в Стамбуле, знатока многих языков, поэта, художника, искусного стрелка из пистолета...

Дохтуров находился у постели больного В. Кюхельбекера в крепости Акше, что на Олоне. Нерчинский лекарь рассказывал декабристу о своем знакомстве с Трелоуни, лихим моряком и другом Байрона и Шелли, сопровождавшим их в Грецию. Байрон упоминал о «русском маленьком докторе» — М. А. Дохтурове.

Минута жизни, но удалой
И лучше гибнуть, но со славой,
Отрадной многих тяжких лет,
Чем прозябать без бурь и бед.

Эти стихи кутомарский штаб-лекарь подарил В. Кюхельбекеру перед послед-

Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки по истории культуры края. Читинское книжное издательство.